

Иштван Пожгаи
(Сомбатхей, Венгрия)

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТИЙ В ФИНЛЯНДСКОМ ОТРЫВКЕ № 22

Abstract: The aim of this work is to examine the use of participles in “Finland Fragment № 22”, a manuscript which was copied from an Old Slavic manuscript in Old Russian language area in the 13th century. I am mainly concentrating on the use of participles 1) in the syntactical construction “dative absolute” (“*dativus absolutus*”), 2) in the attributive function, 3) in the appositive function and 4) in the predicative function. Besides I turn my attention to the phenomena which can be connected with the lose of declension of the short participles.

Keywords: Old Slavic and Old Russian languages, use of participles, historical syntax, manuscript.

1. Введение

Финляндский отрывок № 22 (под сигнатурой 4. 9. 21) представляет собой неполные чтения Пролога первой (краткой) редакции на 8(?), 10(?), 11-12 ноября. Памятник датируется XIII веком и хранится в Библиотеке Российской Академии наук. Пергаменная рукопись сохранилась в плохом состоянии (Жуковская – Тихомиров – Шеламанова 1984: 271). Размер рукописи 30,3x24 см, она состоит из 2 листов. Памятник был вывезен из России во время Ливонской войны, в 1581-1595 гг. (Бубнов 1978: 198-199). Он был возвращен в Россию в 1869 г. профессором Нордквистом (Х. Тот 1981: 3.). Рукопись издана нами в 1996 г. (Пожгаи 1996: 142-157). Наш анализ проводится по этому изданию. Текст рукописи списан небрежным мелким уставом в 2 столбца по 34 строки.

В употреблении причастий различаются две большие области: 1) Если конструкцию с причастием можно превратить в придаточное предложение таким образом, что подлежащее выраженного в сказуемом придаточного предложения действия или происшествия или состояния или же существования совпадает с подлежащим главного предложения, или встречается в главном предложении, и значение конструкции зависит от главных членов предложения, тогда эта конструкция называется причастием релятивным (*participium coniunctum* или *relativum*). 2) Если же причастный оборот можем превратить в придаточное предложение таким образом, что его подлежащее не совпадает с подлежащим главного предложения, или не наблюдается в главном предложении, и значение оборота не зависит от главных членов предложения, то эта синтаксическая конструкция называется причастием самостоя-

тельными/абсолютным (*participium absolutum*). Это причастие абсолютное в зависимости от падежа причастия и стоящего вместе с ним существительного или местоимения в разных индоевропейских языках называется по-разному: в латинском отложительным самостоятельным (*ablativus absolutus*), в древнегреческом родительным самостоятельным (*genitivus absolutus*), в древнеиндийском местным самостоятельным (*locativus absolutus*), а в готском, древнеболгарском и древнерусском языках дательным самостоятельным (*dativus absolutus*). В.П. Воробьев предполагает, что причастие абсолютное являлось способом выражения сложной мысли, и оно древнее придаточных предложений (Györfi 2007:46).

Целью нашей работы является исследование употребления причастий в изучаемом памятнике. Поскольку дательный самостоятельный в Финляндском отрывке № 22 используется редко, наше внимание будет сосредоточено главным образом на основных функциях причастий релятивных, а именно: на атрибутивной, аппозитивной и предикативной функциях. Кроме того, особое внимание уделяется изменениям, происшедшим в употреблении причастий релятивных.

2. Употребление причастий в дательном самостоятельном

О происхождении славянского дательного самостоятельного мнения расходятся. Ф.Миклошич и В.Вондрак придерживаются мнения о славянском происхождении этой конструкции, пока А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев и Б.Делбрюк считают дательный самостоятельный синтаксической калькой греческого родительного самостоятельного (*genitivus absolutus*) (Соколова 1962: 257). Употребление дательного самостоятельного характерно в первую очередь для древнеболгарского и древнерусского языков (и конечно для церковнославянских языков разных типов), но изредка встречается и в древнечешских памятниках (Horálek 1967: 242-243). Что касается исконности дательного самостоятельного в древнерусском языке, большинство русских лингвистов придерживается точки зрения, по которой дательный самостоятельный заимствован из древнеболгарского языка, так как, по их мнению, эта синтаксическая конструкция считается книжной, и она характерна прежде всего для повествовательных жанров (Соколова 1962: 257; Черных 1954: 292). В грамотах дательный самостоятельный не употребляется (Борковский 1949: 361).

В изучаемом памятнике употребление оборота дательного самостоятельного наблюдается только в 4 случаях. В обозначении места примеров первая цифра – лист, вторая – столбец, остальные – строки.

2.1. Дательный самостоятельный сокращает придаточное времени

и потомъ възмо|гшемъ мадиномъ | и пла̑нающимъ изл̑тъ|тъи· яви са
миханлъ | гедевоу и р̑е: 1v.1.3-7, в дательном самостоятельном
употребляется два причастия. [...]стакшю же х̑у̑ ѿ [...] | се б̑и̑ п̑ркын̑
бл̑[ов̑к̑]|стникъ: 1v.2.29-32. соу̑шю | юмоу своего монастыря | изгнанъ б̑и̑
к солоу̑нъ ...: 2.1.22-24, конструкция является частично неполной, так как
возле причастия глагола **БЫТИ** следовало бы поставить какое-то
прилагательное или существительное, или причастие страдательного
залога в дат. п. Кроме того, логический субъект дательного
самостоятельного совпадает с подлежащим главного предложения. Тут
следует отметить, что в славянском дательном самостоятельном
логический субъект причастия – в отличие напр. от древнегреческого и
латинского языков – не всегда отличается от подлежащего главного
предложения (Vondrák 1912: 608; Lunt 1959: 131).

2.2. Дательный самостоятельный сокращает придаточное причины

б̑у̑ | бл̑говолившю ми сп̑н̑е и|зидоу̑хъ и б̑у̑хъ мн̑ихъ :-: 2.1.8-10.

3. Употребление причастий релятивных

Как известно, на основе функций причастий релятивных в древних
славянских языках различались атрибутивное, аппозитивное и
предикативное употребления причастий (Wondrák 1912: 607). Кроме
вышеуказанных, мы различаем еще одно употребление причастий
релятивных. В четвертую группу входят те примеры, в которых
употребляются краткие формы действительных причастий в близкой к
аппозиции функции и связываются со сферой предикации, как напр., при-
частия в оборотах «второй винительный» и «второй родительный», но не
являются частью составного сказуемого. Отметим, что в грамматике В.
Вондрака причастия в этих оборотах считаются предикативными
(Wondrák 1912: 610).

3.1. Употребление причастий в атрибутивной функции

Причастие в атрибутивной функции выполняет роль определения в
предложении. Употребление причастий в атрибутивной функции
наблюдается в следующих примерах:

3.1.1. В случае причастий настоящего времени действительного залога

м[л̑тъини рем̑ествен]ица | [юсть моудра и приста]в̑ица юсть
твора̑щимъ ю ...: 2.2.33 – 2v.1.1. Причастие употребляется
самостоятельно, без относящегося к нему существительного. ц̑р̑ца бо юсть
кони̑тиноу̑ · подобны̑ · чл̑кы̑ твора̑щи | б̑оу̑: 2v.1.17-19. крилата бо | юсть и

лѣгка криллѣ имѣ|ющи злате· (sic!) летенне и|моуши преоукрашающї | ан҃глы: 2v.21-25, в примере только последнее причастие употреблено в атрибутивной функции. Это причастие неправильно согласовано в роде и падеже, следовало бы написать *преоукрашающе*, так как оно относится к существительному *летенне*. Ср. в Великих Четьих-минях митрополита Макария (первая половина XVI в.): *летание имуци прѣукрашающе и ангелы* (Макарий 1897: 355). *такъ ꙗко паче | голоуѣк златъ лѣтающъ | вѣкома...*: 2v.28-32. Причастие по всей вероятности относится к словосочетанию *м[лѣтѣни ремествен]ница*, о котором говорится в этом столбце и в первой половине следующего столбца. *двѣа бо ѡсть кри|лѣ имоуши злате (sic!) бѣло и|моуши лице·*: 2v.2.2-4, в примере обнаруживается два причастия. ... *и трѣбоующимъ не|скоудно даше и ...*: 2v.32-33. Причастие употребляется без относящегося к нему существительного.

3.1.2. В случае причастий прошедшего времени действительного залога

и пакы то же ми|хан|илъ избеави исака ѿ гера|скаго цр҃л хотѣвша и оуби|ти: 1.1.25-28.

3.1.3. В случае причастий настоящего времени страдательного залога

сказаемы та рѣшитъ оу|згы и разроушаютъ тмоу ...: 2v.1.10-11. На этом же месте в Великих Четьих-минях митрополита Макария написано: *И связанымъ та рѣшитъ узы, раздрушаетъ тму ...* (Макарий 1897: 354-355). То же самое написано в Прологе, изданном впервые в 1642 г.: *и сказанымъ та рѣшитъ оузгы · разъроушаетъ тмоу...* (Пролог сентябрь-ноябрь). В обоих приведенных предложениях употребляется причастие прошедшего времени страдательного залога в дательном падеже мн. ч. Несмотря на различие между нашим и приведенными примерами, согласование причастия в нашем примере формально все-таки можно считать правильным, хотя смысл предложения отличается от приведенных нами предложений. Не исключается и пропуск букв *м* и *ъ* в конце причастия. Следует отметить, что и употребление причастия настоящего времени страдательного залога в данном предложении не является логичным в силу того, что развязать узы возможно только в том случае, если они уже связаны, а настоящее время причастия указывает на то, что действие, выраженное причастием, происходит в момент речи.

3.1.4. В случае причастий прошедшего времени страдательного залога

... видѣ ми|хан|ла акы воинна вѣроу|жена: 1.2.18-25. *и пакы | изгнанъ бѣтѣ никифоромъ | цр҃мъ оубиеннымъ в болгаре|хъ:* 2.1.28-31, только второе причастие выступает в атрибутивной функции.

3.2. Употребление причастий в аппозитивной функции

Аппозитивными причастиями считаются причастия, логический субъект которых вообще совпадает с подлежащим предложения, и которые употребляются в таких причастных оборотах, которые можно превратить в придаточные предложения времени, причины, цели, образа действия или условия (Baleczky – Hollós 1987: 179). При исследовании аппозитивных причастий одной нашей целью является изучение тех явлений, которые могут свидетельствовать о начинающемся образовании новой части речи – деепричастия. Деепричастия (неизменяемые причастия) возникают от форм именительного падежа кратких действительных аппозитивных причастий (Кузьмина – Немченко 1982: 292).

Причастие употреблялось в функции аппозиции (в адвербиальной функции) вообще в том случае, если подлежащее выражаемого в причастии действия, происшествия, существования или состояния совпадало с подлежащим предложения. Разумеется, что это условие осуществляется тогда, когда причастие стоит в именительном падеже. Поэтому мы будем сосредоточивать наше внимание в первую очередь на согласовании кратких действительных аппозитивных причастий, стоящих в именительном падеже, с подлежащим предложения.

Как известно, когда причастия употреблялись в функции аппозиции – т.е. заменяли какое-либо придаточное предложение – они, подобно прилагательным и атрибутивным причастиям, согласовывались с именем существительным или местоимением, к которому они относились, по роду, числу (и падежу). Однако, с течением времени семантические и синтаксические связи краткого аппозитивного причастия с подлежащим ослабевают, и аппозитивное причастие начинает теснее сочетаться с глаголом-сказуемым, выражая второстепенное действие или признак действия (а не подлежащего) (Кузьмина – Немченко 1982: 292).

Употребление аппозитивных причастий наблюдается в следующих примерах:

3.2.1. В случае причастий настоящего времени действительного залога

... иже послѣди сказа сѧ ѿмоу· идѣи и|звести лота ...: 1.1.21-23, в примере – в отличие от остальных примеров аппозитивных причастий – употреблена членная форма причастия. **каламъ же ви|ѣвъ ангѣла моли сѧ ему | глѣ не погоуби мене влѣко ...: 1.2.11-13**, лишь второе причастие является причастием настоящего времени. **и пакы ѡви сѧ | великыи миханѣл ма|ноуби възвѣщаѧ сѧ|мсоноко зѣтѣ: 1v.1.19-22. и поса|ди на престолѣ своємъ | съ собою глѣ· ѡко ...: 2.1.2-4. и | по блѣгочѣти подвижаѧ сѧ и пѣ|сни о бзѣк списавѣ въ глаубоцѣ | старости къ гоу ѿнде:~: 2.1.32 – 2.2.1,**

3.3.1. В случае причастий настоящего времени действительного залога

в тѣхъ стѣхъ великии мина | при маѣимѣианѣ црѣи ѿ юе|птьскыи страны великѣ | съи ноумера· въ котоули градѣ оубѣдѣнѣ бѣи яко хрѣианѣ съи: 2.2.4-9, только первое и третье причастия выступают в предикативной функции. крилата бо | юсть и легка крилатѣ имѣ|ющи злате· (sic!) летение и|моуши преоукрашающи | анѣлы: 2v.21-25, только первые два причастия употребляются в предикативной функции. якѣо паче | голоубѣ златѣ лѣтающи | вѣкома· назирающи око|мь кроткыиъ ничто же | ока того крашею: 2v.28-32, только второе причастие выступает в предикативной функции. Оно по всей вероятности относится к словосочетанию м[лѣтѣни ремествен]ица, о котором идет речь в этой части изучаемого памятника. Хотя в близости причастия назирающи не поставлена связка, но по смыслу предложения оно с большой долей вероятности может быть отнесено к предикативной функции. крилата юсть и тиха и легка· предѣ|стоащи оу престола црѣа: 2v.2.4-6. Предполагаем, что связка юсть относится и причастию и, таким образом, причастие стоит скорее в предикативной, чем в аппозитивной функции.

3.3.2. В случае причастий настоящего времени страдательного залога

бьенѣ бѣи и стрѣга|нѣ и огнемь жгомѣ и вла|чимѣ: 2.2.9-11, в сложносочиненном предложении употребляется два причастия настоящего времени страдательного залога. ... токмо обидима юсть нами· ю|гда ѿ въсхушениа тво|римѣ ю: 2v.1.5-8.

3.3.3. В случае причастий прошедшего времени страдательного залога

... изгнанѣ бѣи в селоуиъ ...: 2.1.24. и възвращенѣ бѣи црѣе|ю ириною ...: 2.1.26-27. и пакы | изгнанѣ бѣи никифоромь | црѣмь ...: 2.1.28-30. сѣхъ рѣа иконѣ при лве нико|ноборци много томленѣ бѣи: 2.1.31-32. въ котоули градѣ оубѣдѣнѣ бѣи яко хрѣианѣ съи: 2.2.7-9, лишь первое причастие является пассивным. бьенѣ бѣи и стрѣга|нѣ ...: 2.2.9-10, в примере наблюдается два причастия. а сѣи викторѣ | бѣ ...|... въ и|талии ятъ бѣи и поноуже|нѣ ѿкрещи сѣ хѣ ...|... и напою|нѣ бѣи потворныиъ зелиюемь ѿ вълхѣа и невреже|нѣ бѣи...: 2.2.12-22, в длинном сложносочиненном предложении наблюдается 4 причастия прошедшего времени страдательного залога. а сѣи|и викентии в агоусни|стѣмь грѣа· того же грѣа кна|земь поноуженѣ пожрети ...: 2.2.26-29, в составном сказуемом отсутствует связка бѣи.

тамо вѣща· крилѣ | голоубинѣ посребренѣ· межюрамне юга вѣ блѣщани
златѣ·: 2v.1.25-28, связка тоже не поставлена.

3.4. Употребление краткой формы действительных причастий в близкой к аппозиции функции

В отличие от причастий, употребляющихся в аппозитивной и предикативной функциях, логический субъект таких причастий не совпадает с подлежащим предложения. Если бы эти причастные обороты мы превратили в придаточные предложения, тогда мы получили бы вообще не обстоятельственные придаточные предложения. В Финляндском отрывке № 22 такой оборот встречается один раз, в случае причастия настоящего времени:... видѣ ми|хана надъ црѣмь [... мѣ]|чь държаща: 1v.2.1-3. Оборот данного типа называется двойным винительным.

4. Заключение

В Финляндском отрывке № 22 отмечено нами 57 примеров употребления причастий. В 4 случаях причастия употребляются в дательном самостоятельном. Из 54 причастий релятивных 11 употребляется в атрибутивной функции, 20 в аппозитивной функции, 21 в предикативной функции, и одно в близкой аппозиции в функции. Примеры употребления причастий в атрибутивной, аппозитивной и предикативной функциях подытожены в следующей таблице. В скобках указано единственное ошибочно согласованное причастие в той форме, в которой оно должно было бы стоять, а в квадратных скобках сообщено, в какой форме оно стоит в изучаемом памятнике.

		Атрибутивная функция				Аппозитивная функция				Предикативная функция			
		ед. ч.		мн. ч.		ед. ч.		мн. ч.		ед. ч.		мн. ч.	
		им. п.	косвенные падежи	им. п.	косвенные падежи	им. п.	косвенные падежи	им. п.	косвенные падежи	им. п.	косвенные падежи	им. п.	косвенные падежи
Причастия наст. вр. дейст. залога	м. р.	1		2	5				2				
	ж. р.	3+[1]			1				4				
	ср. р.		(1)										
Причастия прошед. вр. дейст. залога	м. р.		1		12								
	ж. р.												
	ср. р.												
Причастия наст. вр. страд. залога	м. р.			1	1				2				
	ж. р.								1				
	ср. р.												
Причастия прошед. вр. страд. залога	м. р.		2		1				11				
	ж. р.												
	ср. р.												

Одно предикативное причастие стоит в двойственном числе: **тамъ вѣща крилкѣ голоубинѣ посребренѣ межюрамию юа въ блѣщанинѣ златѣ**: 2v.1.25-28. Из таблицы видно, что в изучаемом памятнике часто наблюдается употребление причастий настоящего времени в предикативной функции. В трех из шести примеров вблизи причастия, в качестве связки поставлена и форма настоящего времени бытийного глагола. Употребление действительных причастий с глаголом **бѣти** выражает повторяемое, продолжительное, обычное действие или состояние субъекта (Дуриданов 1991: 425).

За исключением одного примера все причастия употребляются в краткой (нечленной) форме. В единственном примере, где найдена членная форма, причастие употребляется в аппозитивной функции: ... **иже послѣди сказа сѧ юмоу: ндыи и|звести лота ...**: 1.1.21-23. Употребление членной формы причастия в аппозитивной функции является необыкновенным и вероятно ошибочным. Ради сравнения отмечаем, что в Синайском патерике конца XI – начала XII в. из 1670 аппозитивных причастий ни одно не употреблено в членной форме (Pozsgai 2009: 438). Вероятно, наш пример следует считать опiskой,

возникшей под воздействием начальной буквы **н** следующего слова **н|звести**.

В Финляндском отрывке № 22 аппозитивные и предикативные причастия согласованы с относящимися к ним существительными правильно. Только одно атрибутивное причастие согласовано неправильно в роде и падеже: **лѣтєннє н|мощи прєсѹкращающї | ан҃гы**: 2v.23-25. Вместо именительного падежа ед. ч. женского рода, следовало бы поставить причастие в форму винительного падежа ед. ч. среднего рода (**прєсѹкращающє**). Это неправильно согласованное краткое причастие может отражать и утрату склонения кратких форм причастий. Наше предположение может утверждаться и тем, что причастия в изучаемой рукописи только в 6 случаях находятся в косвенных падежах. Употребление именно формы именительного падежа ед. ч. женского рода может быть вызвано и влиянием предыдущего причастия. Следует отметить, что в древнерусских памятниках уже в XI в. появились неправильные согласования по падежу у нечленных действительных причастий, но количество неправильных согласований по роду и числу становится значительными лишь с XIII в. (Домбровский 1977: 109).

Поскольку согласование аппозитивных причастий является безупречным, мы не можем установить, что семантические и синтаксические связи краткого аппозитивного причастия с подлежащим ослабели, и аппозитивное причастие начинает теснее сочетаться с глаголом-сказуемым. Значит, материал Финляндского отрывка № 22 не позволяет делать вывод, что в языке писца уже идет превращение аппозитивных причастий в деепричастия. Однако, этот процесс уже вероятно начался в языке писца, о чем могут свидетельствовать другие, более крупные памятники, списанные тоже на юге Руси. В проанализированном нами Синайском патерике конца XI – начала XII в. рядом с 1646 правильно согласованными аппозитивными причастиями найдено 24 ошибочно согласованных аппозитивных причастия (Pozsgai 2009:438). По всей вероятности, объем Финляндского отрывка № 22 слишком мал для того, чтобы мы обоснованно могли выявить следы интересующего нас процесса.

Литература

- Борковский, В.И. (1949) Синтаксис древнерусских грамот. Львов.
Бубнов, Н.Ю. (1978) Русские и славянские пергаменные рукописи Библиотеки АН СССР. // «Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР». Ленинград.
Домбровский, Й. (1977) Историческая грамматика русского языка II. Морфология и синтаксис. Budapest.

- Дуриданов, Иван (гл. ред.). (1991) Грамматика на старобългарския език. Фонетика. Морфология. Синтаксис. София.
- Жуковская, Л.П. (отв. ред.) – Тихомиров, Н.Б. – Шеламанова, Н.Б. (редколлегия). (1984) Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI–XIII вв. Москва.
- Макарий. (1897) Великие Минеи четьи. Ноябрь, дни 1-12. Санкт-Петербург.
- Кузьмина, И.Б. – Немченко, Е.В. (1982) История причастий. // Аванесов, Р.И. – Иванов, В.В. (ред.) Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. Москва.
- Пожгаи Иштван (1996) Палеографический и лингвистический анализ Финляндского отрывка № 22 (под сигнатурой 4. 9. 21) // *Studia Paleoslavica* I. Szeged, 1996. С. 83-161.
- Пролог сентябрь-ноябрь. <http://sobornik.ru/text/prolog/prolog09-11/page/prolog11-11.htm>.
- Соколова, М.А. (1962) Очерки по исторической грамматике русского языка. Ленинград.
- X. Тот Имре (1981) К изучению Финляндских отрывков // *Studia Slavica Hungarica* XXVII. Budapest
- Черных, П.Я. (1954) Историческая грамматика русского языка. Москва.
- Baleczky Emil – Hollós Attila (1987) *Ószláv nyelv*. Budapest.
- Györfi Beáta (2007) Историческое изменение синтаксического статуса причастных оборотов в древнерусском языке. (На материале Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку). Диссертация. Debrecen.
- Horálek, Karel (1967) *Bevezetés a szláv nyelvtudományba*. Budapest.
- Lunt, Horace G. (1959) *Old Church Slavonic Grammar*. S-Gravenhage.
- Pozsgai István (2009) К вопросу о возникновении деепричастия в древнерусском языке (Согласование кратких действительных аппозитивных причастий в Синайском патерике). // *Revue des études slaves*. T. LXXX (2009), Fascicule 4. Paris. 427-442.
- Vondrák, W. (1912) *Altkirchenslavische Grammatik*. Berlin.